

БУРЖУАЗНЫЕ АТЕИСТЫ ЛИТВЫ О СУЩНОСТИ РЕЛИГИИ

Э. КАРАКОЗОВА

В эпоху развернутого строительства коммунистического общества одной из важнейших задач является коммунистическое воспитание нового человека. Идеологическая работа в нашей стране неразрывно связана с борьбой против пережитков капитализма в сознании трудящихся, против религиозной идеологии. Значительное место в этом вопросе занимает использование атеистических традиций. Социалистическая культура не может развиваться в отрыве от культурного наследия народа. Но его использование должно производиться научно обоснованно, с большим отбором, с серьезной критикой буржуазной идеологии. В связи с этим на XII съезде КП Литвы тов. А. Снечкус подчеркнул необходимость принципиальной классовой оценки культурного наследия литовского народа, исключая идеализацию прошлого.

В имеющейся в настоящее время литературе еще отсутствует достаточно полная оценка буржуазного атеизма в Литве 1919—1940 гг. Среди трудов, непосредственно касающихся данного вопроса, следует отметить книгу И. Закаса «Борьба материализма в буржуазной Литве против религии и идеализма в биологии», статью И. Мацявичюса «Из истории общественной и философской мысли в Литве» в журнале ЦК КП Литвы «Коммунист» (1961, № 6 и 7), а также Б. Гензелнса «О буржуазном атеизме» в журнале «Мокслас ир Гивянимас» (1961, № 3). Поэтому обобщение и оценка атеистических взглядов буржуазных атеистов представляет собою необходимое звено в оценке культурного наследия прошлого.

Настоящее исследование необходимо и как средство в критике утверждений буржуазных идеологов и духовенства о том, что религиозность, или католичество, является неотъемлемыми чертами национального характера литовского народа.

Наконец, при выборе темы исследования автор руководствуется тем, что, по словам В. И. Ленина, народным массам необходимо давать «...самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, знакомить их с фактами из самых различных областей жизни, подойти к ним и так и этак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от

религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами и т. п.»¹.

Остроумные, доступные по форме и содержательные выступления буржуазных атеистов Литвы способствовали атеистическому воспитанию общественности.

Задачей настоящей статьи является выяснение взглядов буржуазных атеистов Литвы 1919—1940 гг. по вопросу о сущности религии.

* * *

Атеистическая мысль в Литве особенно ярко проявлялась в 1919—1940 гг. в период развития капиталистических отношений, засилия клерикалов в стране, в период обострения классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией. В то время наряду с пролетарским атеизмом широкое распространение получил буржуазный атеизм.

Литовские буржуазные атеисты того времени — И. Шлюпас, И. Кайрюкштис, И. Вабалас-Гудайтис, И. Илгунас, П. Леонас и др. являлись непосредственными продолжателями дела своих предшественников в Литве — атеистов конца XIX и начала XX вв. В сравнении с предыдущим периодом, когда атеистическая мысль в Литве имела в основном антиклерикальный характер, не затрагивая критики религии по существу, не представляла оформившегося атеистического течения, атеистическая мысль в Литве конца XIX и начала XX вв. получила систематический, более или менее развернутый характер. Это были уже не отдельные антирелигиозные, антиклерикальные выступления общего характера, а цельное, оформившееся течение, где выделились основные направления.

Активными атеистами в то время выступили представители общественной, научной и литературной мысли С. Матулайтис, И. Билюнас, И. Адомайтис-Шярнас, И. Андзюлайтис, В. Дембскис, И. Мачис-Кекштас и др. Уже тогда начал свою атеистическую деятельность И. Шлюпас. Литовские атеисты конца XIX и начала XX вв. острее своей критики направили не только против клерикализма, но и против самой религии, используя при этом научные достижения того времени, многочисленные факты истории и общественной жизни. Как в переводных, так и в оригинальных произведениях и статьях широко ставились и решались такие проблемы, как происхождение и изменение религии, противоположность религии и науки, реакционная роль религии в жизни общества, пути преодоления религии и другие вопросы.

С позиций материалистической философии литовские атеисты отбрасывали религиозные положения о бессмертии души и сверхъестественной природе сознания человека, резко выступали против теории о врожденном религиозном чувстве. Выясняя причины возникновения религии, они во многих случаях правильно освещали логические и психологические основы сложного процесса появления религиозных представлений.

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-ое, т. 33, стр. 204.

У наиболее передовых из них — И. Билонаса и С. Матулайтиса наблюдались попытки отыскать причины религиозного отражения действительности в материальных условиях жизни первобытных людей. Однако они так и не смогли подняться до выяснения социальных корней религии.

Атеисты того времени не выясняли самого понятия религии. Однако, характеризуя религию в целом, С. Матулайтис, И. Билонас, И. Адомайтис-Шярнас, И. Андзюлайтис, В. Дембскис и др. высказывались по вопросу об основных признаках религии, тем самым раскрывая ее содержание. Их мнение о религии в основном сводилось к тому, что религия есть вера в фантастические, сверхъестественные силы, связанная с культом этих сил. Немало внимания уделялось ими и вопросам об изменении форм религии. Атеистическая мысль конца XIX и начала XX вв. явилась, таким образом, новым этапом в истории развития атеизма в Литве. Однако идеалистическое истолкование общественных явлений, недиалектический подход к решению основных проблем атеизма не дали возможности вышеупомянутым атеистам подняться до уровня марксистского понимания сущности религии и указать пути ее преодоления.

Кроме трудов своих непосредственных предшественников, литовские буржуазные атеисты первой половины XX в. широко использовали идеи французских просветителей XVIII в., атеистические высказывания древнегреческих материалистов. В своих трудах они опирались на данные научных открытий начала XX в., на научные достижения русских ученых И. П. Павлова, И. М. Сеченова, на идеи русских революционных демократов, а также передовых европейских атеистов Кабе, Роберта Ингерсолла и др.

На буржуазный атеизм этого периода в Литве несомненный отпечаток наложили пролетарский атеизм и марксистская философия. В годы фашистской диктатуры, в условиях политической и идеологической реакции в официальную печать проникали идеи марксизма-ленинизма по вопросам мировоззрения и, конкретно, по атеистическим вопросам. Так, на страницах журнала «Культура» печатались статьи П. Гловацкиса «Религия и ее общественное значение» (которая затем была издана отдельной брошюрой), И. Гальвидиса «Диалектико-материалистическое мировоззрение», «Жизнь и труды К. Маркса и Ф. Энгельса», «Классы и классовая борьба» и др. с изложением основных положений классиков марксизма-ленинизма по данным вопросам. В «Культуре» пропагандировались идеи Ч. Дарвина, И. М. Сеченова, И. П. Павлова, В. М. Бехтерева, переводились статьи советских авторов, излагающих проблемы атеизма с марксистско-ленинских позиций. В деле пропаганды марксизма-ленинизма большую роль сыграла периодическая подпольная коммунистическая печать — газеты и журналы: «Тиеса», «Комунистас», «Кибиркштис», «Прекалас» и статьи организаторов и вождей КП Литвы В. Мицкявичюса-Капсукаса и З. Алексы-Ангаретиса.

И. Шлюпас, И. Кайрюкштис и другие буржуазные атеисты несомненно читали некоторые произведения, освещающие проблемы атеизма

с марксистских позиций, что и нашло свое отражение в их трудах. Но классовая ограниченность не позволила им встать на позиции пролетарского атеизма. Атеизм И. Шлюпаса, И. Кайрюкштиса, И. Илгунаса, И. Вабаласа-Гудайтиса и др. страдал недостатками, свойственными буржуазному атеизму в целом. Однако их труды представляют собою ценный вклад в сокровищницу научного атеизма. Выяснение их взглядов по интересующим вопросам поможет дальнейшему углублению изучения проблем научного атеизма с марксистско-ленинской точки зрения.

Буржуазный атеизм в Литве проявлялся в виде течения так называемого свободомыслия. Оно охватывало широкие слои населения и имело свои организации в городах, уездных центрах и местечках Литвы. В них входили рабочие, ремесленники, крестьяне, буржуазная интеллигенция, либеральная буржуазия — представители различных классов и общественных групп, различных политических взглядов. Однако всех их объединяло единое стремление освободиться от засилия клерикалов в светской жизни и религиозного дурмана, сковывающего свободную мысль, развитие науки, проповедывающего лицемерную религиозную мораль. Тесная связь поддерживалась с организациями свободомыслящих литовских эмигрантов в Америке. Среди многочисленных представителей свободомыслия выделялись его главные идеологи — представители буржуазной интеллигенции: медики — И. Шлюпас (занимался также историей, правом), И. Кайрюкштис, психолог И. Вабалас-Гудайтис, учитель И. Илгунас, юрист П. Леонас и др.

Среди главных идеологов свободомыслия отсутствовало единство в их политических взглядах, а также в решении отдельных атеистических проблем.

Так, И. Шлюпас, в начале своей деятельности выражая идеи либеральной буржуазии, тяготеющей к анархизму, на склоне лет занял открыто реакционные, фашистские позиции. П. Леонас являлся идеологом либеральной буржуазии. Однако большую часть идеологов «свободомыслия» составляли представители передовой интеллигенции: И. Кайрюкштис, И. Вабалас-Гудайтис, агроном А. Жукаускас, педагоги И. Протас, К. Валашинас, М. Унтулис и др., которые в годы Советской власти стали активными пропагандистами марксистско-ленинского атеизма в Литве.

Поэтому термин «буржуазные атеисты» используется в данной статье условно. Учитывая различие основных его представителей в их социальном положении и политических взглядах, мы объединяем их атеистические взгляды в категорию «буржуазного атеизма» в смысле немарксистского, абстрактно-просветительского, не поднявшегося до уровня пролетарского атеизма, в целях противопоставления, последнему, получившему распространение в Литве в рассматриваемый период.

Главным печатным органом свободомыслия являлась газета «Лайсвойи минтис» («Свободная мысль»). Многие атеистические статьи печатались в прогрессивном журнале «Культура», в журнале «Вага» («Борозда»), в газете «Лиетувос жиниос» («Известия Литвы»). В этот период

появляется немало книг и брошюр по атеистическим вопросам. Наиболее значительными из них были книги И. Кайрюкштиса «Куда идешь, католическая молодежь?», «Философия естествознания», «Азбука свободомыслия», М. Унтулиса и И. Лайсвунаса «От Перкунаса до Базилики», И. Шлюпаса «Религия женщин», «Христос и св. инквизиция», «Сравнительная история мировых религий», И. Лайсвунаса² «Литва в тени крестов», «Христа не было», И. Илгунаса «Зажженные костры (инквизиция)», «Есть ли такая вера, без которой человек не мог бы жить?» и целый ряд других книг.

Среди переводных атеистических произведений зарубежных авторов большое распространение получили книги Кабе «Происхождение религии» (перевод И. Кайрюкштиса), «Что совершило христианство для блага общества?» (перевод И. Шлюпаса), Маршалла Гаувина «Где находится ад? В этом или другом мире?», «Есть ли настоящий бог?», «Существует ли борьба между наукой и религией?», «Является ли св. писание руководством по нравственности?» (перевод И. Кайрюкштиса), Р. Ингерсолла «Призраки» (перевод И. Кайрюкштиса), «Сумерки богов» (перевод И. Шлюпаса), книги Отто Корвина, А. Д. Уайта и др. В газете «Лайсвоји минтис», в журнале «Культура» помещалось немало переводных атеистических и научных статей вышеперечисленных и других, в том числе советских, авторов. Так, на литовский язык было переведено немало произведений известного популяризатора научных и атеистических знаний Н. Рубакина.

Атеистические взгляды буржуазных атеистов имели свою философскую основу, которая проявлялась в виде метафизического и вульгарного материализма. Они прямо так и заявили, что представителями свободомыслия могут быть только те, кто не просто с порога отвергает бога, но старается обосновать свои взгляды, решая такие коренные проблемы, как цель жизни, проблемы жизни и смерти, возникновение жизни и т. п. В этой связи буржуазные атеисты подчеркивали, что защитникам католичества «только и остается нападать на материализм»³.

Католические идеологи это делают потому, что они видят в материализме своего идейного врага — союзника атеизма. Излагая материалистическую теорию, экономист Грабаускас указывал на непосредственную связь материализма и атеизма.

«Материализм есть философская система и мировоззрение, — писал Грабаускас, — которая признает существующей только материю (*medžiaga*). Материя, управляемая и развивающаяся механическим образом по определенным законам природы, составляет различные формы и виды, начиная с формирования мира и кончая развитием различных существ и человека»⁴. Он подчеркивал, что и атеизм, как система взглядов, отрицает любую сверхъестественную силу, которая создала бы мир

² И. Лайсвунас — псевдоним И. Минюса.

³ Dr. J. Šliūpas. Patys muša ir patys rėkia, „Laisvoji mintis“, 1937, Nr. 11, p. 2—3.

⁴ Grabau. Religijų tikrovė, „Kultūra“, 1938, Nr. 12, p. 819.

или управляла им. Таким образом, как материализм, так и атеизм в конечном итоге не оставляют места ни богу, ни черту, ни чуду.

Противопоставляя свои материалистические взгляды богословским идеалистическим вымыслам, буржуазные атеисты Литвы доказывали, что вселенная вечна, что в ней нет ни начала, ни конца, ни творца, ни акта сотворения мира. Нигде нет пустоты. Все пространство заполняет вечно движущаяся материя. Все возможные соединения и комбинации элементов материи и составляют бесконечное разнообразие видимых вещей. Родственность групп элементов, превращение одного элемента в другой указывают на единство материи. Движение материи — это вечное ее состояние, вечная сила. Движение происходит закономерно⁵. И. Шлюпас, И. Кайрюкштис, И. Вабалас-Гудайтис, И. Илгунас отмечали, что ни материя, ни движение не исчезают. И. Кайрюкштис при этом подчеркивал важность движения и развития материального мира. Эти общие философские выводы они старались подкрепить данными естественных наук, в основном — физики и биологии. А бурное развитие естественных наук начала XX в. давало для этого богатый материал. Открытие радиоактивности вещества, электронов и протонов нашло свое отражение и оценку в их трудах.

Буржуазные атеисты строго отмежевались от идеалистов в вопросе о сущности сознания. Сознание они считали вторичным по отношению к материи и всячески пытались обосновать эту мысль. В своих трудах они опирались на естественно-научные открытия Ч. Дарвина, И. М. Сеченова, И. П. Павлова, В. М. Бехтерева, но использовали и вульгарных материалистов — Бюхнера, Фогта и др. Существование души, сознания они связывали с существованием материи, ее высшим продуктом — человеческим мозгом. Вопрос о сущности сознания буржуазные атеисты рассматривали с точки зрения его эволюции, в плане возникновения живой природы из неживой, где высшим продуктом развития живой природы является человек и его сознание. Развитие сознания они рассматривали в тесной связи с эволюцией человеческого организма, где психические явления, на их взгляд, нельзя отделить от биологических. И. Кайрюкштис писал, что «сознание высших животных является продуктом длительной эволюции, это более сложное биологическое явление»⁶. Психика человека отличается от психики других животных лишь степенью развития. Поэтому изучение психики животных поможет изучить и вопрос о человеческом сознании. И. Шлюпас все время подчеркивал, что материалисты не отрицают существования сознания как такового, но выступают против религиозного понимания души, имеющей свою спиритуалистическую природу, вне человеческого тела. В связи с этим он отмечал, что сознание является функцией мозга, оно имеет физиологическую основу, что вместе со смертью тела исчезает и сознание. В этом

⁵ См. *J. Šliūpas*: *Ką mes siūlome religijos vietoje*, „Laisvoji mintis“, 1937, Nr. 3; *gyd. J. Kairiūkštis*. *Gamtos mokslų filosofija*, Tauragė, 1926.

⁶ *Gyd. J. Kairiūkštis*. *Gamtos mokslų filosofija*, p. 45.

утверждении он ссылался на И. М. Сеченова. Само сознание — это своеобразное физическое и химическое состояние нервной системы, а «кора головного мозга полна больших и малых электрических станций (клеток), сложная сеть которых выполняет своеобразную физиологическую работу — мышление»⁷.

В опровержении идеалистических теорий о «врожденном» религиозном чувстве, о «божественном откровении», о духовном превосходстве человека, в исследовании вопроса о сущности сознания большое значение имели выступления в печати И. Кайрюкштиса по вопросам о сущности и происхождении человека. Он писал, что «человек является «вершинной» развития животных, только более поздним потомком живых существ»⁸. И. Кайрюкштис показывал, что хотя религиозные идеологи пытаются опровергнуть происхождение человека из животного мира в целях спасения религиозного мировоззрения, однако в науке этот вопрос считается бесспорным. Подчеркивая, что человек представляет собою звено в бесконечной цепи развития природы, он объяснил процесс выделения человека из животного царства, указывал на изменения в строении и в физиологических функциях человеческого организма в зависимости от изменений в природных условиях жизни предков человека. И. Кайрюкштис показал, что «развитием передней части мозга человек и превосходит других животных», что мозг человека явился более грозным средством по сравнению с «рогами, зубами и ядом других животных и позволил человеку сделаться царем животного царства»⁹. Таким образом, религиозному представлению о превосходстве человека над животным миром И. Кайрюкштис противопоставил материалистическое решение.

Таковы в сжатом изложении философско-материалистические основы буржуазного атеизма того времени. Вместе с тем следует указать и на недостатки, вытекавшие из ограниченности их философского материализма. Несмотря на то, что новые открытия в естествознании начала XX в. давали богатый материал для развития диалектического материализма, буржуазные атеисты не смогли продвинуться дальше метафизического, механистического материализма, а Шлюпас — дальше вульгарного материализма.

В своем стремлении создать материальную картину мира И. Шлюпас, например, понятие материи отождествлял с одним из ее физических состояний — эфиром. Именно в этом плане он и оценивал все новые научные данные.

«Открытие, что атом состоит из электронов и протонов, очень радует материализм,— писал И. Шлюпас,— и такого открытия ждали Бюхнер, Молешотт, Фогт и Геккель. Мысль склонна искать конечный принцип, и поскольку физика говорила о других конечных субстанциях —

⁷ Dr. J. Šliūpas. Pagalvokime, „Laisvoji mintis“, 1935, Nr. 1.

⁸ Gyd. J. Kairiūkštis. Gamtos mokslų filosofija, p. 44.

⁹ Там же, стр. 62.

материи и эфира, то открытие сложности атома только подтвердило их предсказание. По мнению физиков, электроны являются центрами сгущения (конденсации) или центрами движения в эфире. Эфир является окончательной реальностью»¹⁰.

Через призму этой «окончательной реальности» — эфира И. Шлюпас рассматривал и все другие, связанные с открытием электрона, явления, природа которых еще не была достаточно выяснена в научном мире. Протоны и электроны он определял как измеряемые величины, занимающие определенное место в пространстве. И независимо от того, называются ли они энергией или электричеством — они все равно являются материальными явлениями. Оценивая факт зависимости массы электрона от скорости его движения, Шлюпас писал: «Это только настоятельно доказывает, что электрон тем или иным образом происходит из эфира»¹¹. В своих поисках единой материальной основы мира он пытался все явления, как, например, свет, теплота и др., свести к эфиру, который, по его словам, «занимает пространство и имеет части и величину. Он материален»¹². Попытки Шлюпаса на основании новых данных свести понятие материи к эфиру представляют собою абсолютизацию коикретного физического состояния материи, являются подменой философского понятия материи вопросом о ее физическом состоянии. Это фактическое отождествление философского понятия материи с веществом в виде эфира было также подвержено нападкам и такому же самому «кризису», как и «неделимый» атом.

Физика начала XX в. уже отказалась от понятия эфира, как универсальной механической среды. Гипотеза эфира была отвергнута теорией относительности. Еще ранее этот по сути дела вульгарно-материалистический подход к решению вопроса с философской точки зрения был раскритикован Ф. Энгельсом, но И. Шлюпас продолжал придерживаться этой гипотезы. Отвечая тем ученым, которые на основании новых открытий кричали о «кризисе» в физике, об «исчезновении» материи, Шлюпас писал: «Если даже материю вложить в энергию или в электричество, то 200 миллионов звезд вселенной остаются тем, чем они были, и мы все равно будем жить в мире видимых реальностей. Квантовая теория Планка во всеми принимаемой физике делает энергию тоже материальной (более квантованной, количественной, чем когда-либо). То же самое и теория Бора»¹³.

Конечно, это была попытка оценить новые открытия в физике с позиций механистического материализма, которому и свойственно отождествление материи с веществом¹⁴. И хотя данные высказывания И. Шлюпаса были направлены против идеализма в физике, против так назы-

¹⁰ *Dr. J. Šliūpas. Materializmas ir jo laimėjimai*, „Vaga“, 1931, Nr. 2, p. 97—98.

¹¹ Там же, стр. 99.

¹² Там же, стр. 101.

¹³ *Dr. J. Šliūpas. Materializmas ir jo laimėjimai*, „Vaga“, 1931, Nr. 3, p. 147.

¹⁴ С механистических позиций оценивается и развитие материи в приведенном выше высказывании Грабаускаса.

ваемого кризиса, его усилия были тщетны. В ходе развития науки потерпело поражение именно метафизическое, механистическое мировоззрение, что и привело ученых метафизиков к идеализму. Характеризуя «физический» идеализм, распространившийся в связи с новыми открытиями конца XIX и начала XX вв., В. И. Ленин писал: «Сегодняшний «физический» идеализм точно так же, как вчерашний «физиологический» идеализм, означает только то, что одна школа естествоиспытателей в одной отрасли естествознания скатилась к реакционной философии, не сумев прямо сразу подняться от метафизического материализма к диалектическому материализму»¹⁵. Следовательно, отстоять материализм и дать серьезную критику «физических» идеалистов можно было лишь с диалектических позиций. Впрочем, И. Қайрюкштис уже тогда отмечал механистичность такого подхода к вопросу со стороны И. Шлюпаса.

И. Қайрюкштис правильно подчеркивал, что новые открытия в физике подрывают устои классической механики. Он оценивал как догму факт беспрекословного распространения механистических взглядов на все явления и указывал на важность новых открытий в физике, доказывающих неразрывность материи и движения.

И. Қайрюкштис отметил противоположность энергетизма теологии. «Строение материи из атомов,— писал он,— энергетика может объяснить неодинаковым сплочением энергии в пространстве. По мнению некоторых физиков, молекулы и атомы и есть узлы энергии. Все это заставляет смотреть на энергетику, как на более трусливый вид механистического объяснения природы. Уже тем самым энергетика противоположна теологическому объяснению материи и ничего общего не имеет со схоластикой, усматривающей в материи активные силы, вложенные высшим разумом»¹⁶. И. Қайрюкштис писал, что энергетизм для теологов представляет большую опасность по сравнению с механикой или старым материализмом. Однако сам он не смог подняться до уровня диалектического материализма в решении вопроса о материи. Он заявлял, что проблема материи — это проблема экспериментального характера и относится к области физики. В связи с этим И. Қайрюкштис отметил, что «материя, так сказать, растворяется в электричестве, и все явления мира выглядят, как движение электрических частиц»¹⁷.

Таким образом, И. Қайрюкштис не смог выйти за рамки метафизического материализма, отождествляя материю с ее физическим состоянием — электричеством. Говоря о значении энергетизма в подрыве теологических теорий, он аргументировал это тем, что понятие энергии якобы достаточно широко для распространения его на психические явления. Он ссылаясь на Оствальда, который заявил, что психические процессы возникают из энергии химического питания, что без изменения энергии не может быть сознания. Таким образом, опираясь на энергетизм,

¹⁵ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-ое, т. 14, стр. 299.

¹⁶ Gyd. J. Қайрюкштис. Gamtos mokslų filosofija, p. 28.

¹⁷ Там же, стр. 23.

который сам являлся одной из форм «физического» идеализма, Кайрюкшис пытался бороться с религией и идеализмом.

Несомненно, такое стремление отстоять позиции материализма ввиду опасности со стороны фидеизма нужно лишь приветствовать. Эта попытка только лишней раз доказывает неутомимость И. Кайрюкшиса в его борьбе против идеализма и религии, за утверждение материалистического, атеистического мировоззрения. Однако он так и не понял, что Оствальд, «крупный химик и мелкий философ» (*В. И. Ленин*), при помощи понятия энергии пытался соединить понятия материи и духа. Но это, по словам В. И. Ленина, был «не выигрыш, а проигрыш, ибо вопрос о том, вести ли гносеологическое исследование (Оствальд не ясно сознает, что он ставит именно гносеологический, а не химический вопрос!) в материалистическом или идеалистическом направлении, не решается, а запутывается произвольным употреблением слова «энергия». Конечно, если «подвести» под это понятие и материю и дух, тогда словесное уничтожение противоположности несомненно, но ведь нелепость учения о леших и домовых не исчезнет от того, что мы назовем его «энергетическим»¹⁸. Сам Оствальд под энергией в большинстве случаев понимал материальное движение. Однако же подведение понятия энергии и под понятие материи и под понятие сознания приводило на деле к признанию того, что можно мыслить движение без материи, что мысль может существовать без материи. А это и есть идеализм.

Дело в том, что в терминах энергетики можно выразить как материализм, так и идеализм. Поэтому не случайно русский эмпириомонист Богданов «пошел от путаной энергетики *не* по материалистической, а по идеалистической дорожке»¹⁹. По определению В. И. Ленина, «энергетическая физика есть источник новых идеалистических попыток мыслить движение без материи — по случаю разложения считавшихся дотоле неразложимыми частиц материи и открытия дотоле невиданных форм материального движения»²⁰.

Таким образом, в решении вопроса о материи буржуазные атеисты не смогли выйти за рамки метафизического, а И. Шлюпас — даже вульгарного материализма. Они так и не смогли понять, что «единственное «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство *быть объективной реальностью*, существовать вне нашего сознания»²¹.

В выяснении вопроса о сущности сознания также имелась непоследовательность и ограниченность метафизического материализма. И. Шлюпас говорил, что важность вопроса о душе состоит не в том, «материальна она или спиритуальна, но в том, смертна она или бессмертна»²². По-

¹⁸ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-ое, т. 14, стр. 258.

¹⁹ Там же, стр. 260.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, стр. 247.

²² Dr. J. Šliūpas. Materializmas ir jo laimėjimai, „Vaga“, 1931, Nr. 2, p. 97.

этому основное внимание он уделял проблеме неотделимости сознания от материи и всякими способами пытался обосновать производность сознания от материи, доходя при этом до отождествления сознания и материи. «Мысль не может блуждать в пространстве после смерти потому, что она связана с мозгом, как электричество с мотором»²³. Отождествляя сознание и материю, И. Шлюпас даже прибегал к аргументации вульгарных материалистов, цитируя высказывания Фогта о том, что «мозг производит мысль точно так же, как печень производит желчь или почки — мочу»²⁴.

И хотя на страницах передовых печатных органов того времени излагались идеи И. М. Сеченова, И. П. Павлова, В. М. Бехтерева, значительно продвинувших в науке решение вопроса о сущности человеческого сознания, буржуазные атеисты не смогли эти новые данные использовать для диалектического решения данного вопроса. До некоторой степени к ним, а особенно к И. Шлюпасу, можно применить характеристику, данную Энгельсом вульгаризаторам материализма 50-х годов прошлого века в Германии: «Все новые успехи естественных наук служили им лишь новыми аргументами против веры в творца вселенной. Они не помышляли даже о том, чтобы развивать дальше теорию»²⁵. Разумеется, такое сведение мышления к химическим или физиологическим явлениям не могло раскрыть сущности мышления. В этом вопросе они не поднялись выше стихийной, метафизической естественно-научной точки зрения. Но такое решение в своей основе связано с непониманием буржуазными атеистами сущности человека как общественного индивида.

Так, разбирая вопрос о происхождении человека, И. Кайрюкштитс рассматривал его в неразрывной связи с животным миром, в его эволюции в зависимости от условий жизни. Однако он не подметил решающей роли труда — этого качественного скачка в процессе выделения человека из животного царства, не подметил происхождения именно общественного человека. Поэтому он не видел и общественной стороны происхождения сознания. Шлюпас же вопрос о сущности человека решал с позиций вульгарного, механистического материализма. Здесь он не пошел далее Декарта, повторяя вслед за ним, что «человеческое тело — это механизм... и его жизнь — это функция этого механизма. Телесная машина, — по словам И. Шлюпаса, — является координированной материальной структурой, различные части которой работают согласованно. Ее действие зависит от химических изменений в ее элементах: это химическая машина»²⁶. Механистическое понимание И. Шлюпасом природы человека имело непосредственную связь с вульгаризаторским отождествлением материи и сознания.

²³ *Dr. J. Sliūpas. Materializmas ir jo laimėjimai*, „Vaga“, 1931, Nr. 3, p. 156.

²⁴ Там же, стр. 154.

²⁵ *Ф. Энгельс. Диалектика природы*, 1955, стр. 154.

²⁶ *Dr. J. Sliūpas. Materializmas ir jo laimėjimai*, „Vaga“, 1931, Nr. 3, p. 154.

Буржуазные атеисты рассматривали сознание вообще, но не конкретно человеческое сознание. Во взглядах И. Кайрюкштиса мы находим явные элементы антропологизма. Непонимание общественных процессов не дало ему возможности подняться выше стихийного, по существу механистического, естественно-научного материализма.

Поэтому вполне естественно, что ограниченность метафизического, механистического материализма, а тем более вульгарного материализма, давала слабую теоретическую основу и способствовала непоследовательности и ограниченности буржуазного атеизма²⁷.

По сравнению со своими предшественниками — литовскими атеистами конца XIX и начала XX вв. — литовские атеисты середины XX века вопрос о религии разбирали гораздо глубже и шире.

Если ранее вопрос о понятии религии не ставился, то теперь немалое место в трудах атеистов занимали проблемы о понятии и сущности религии. Интерес к этим вопросам был не случаен: этого требовала сама жизнь. Буржуазные атеисты задались целью критиковать религию по существу. По мнению И. Кайрюкштиса, подобно тому, как врач, желая вылечить больного, борется с самой болезнью, а не с ее симптомами, так и атеисты основной удар должны направлять не столько против клерикалов, сколько против самой религии. А для этого необходимо выяснить прежде всего понятие религии, ее сущность. К тому же сами клерикалы поднимали этот вопрос, преследуя цель обосновать вечность существования религии.

Религия в понимании ее католических апологетов связывалась с верой в бога. При этом бога они представляли как наивысшую основу и причину всех проявлений мира, как первоначальный и основной принцип, в истинность которого нужно верить. Такая идея бога, по их мнению, является врожденной и необходимой для человека и поэтому не может быть опровергнута и извращена никакими аргументами разума. На основании такого определения клерикалы также делали вывод о том, что только религия указывает цель существования человека и средства для ее достижения.

Противопоставляя клерикальному определению религии атеистическое, Грабаускас писал: «...религия есть вера в какое-либо божество и божественную субстанцию, выдуманную самим человеком для объяснения и определения непонятных явлений»²⁸.

Различные авторы по-разному определяли религию. Одни из них понятие религии сводили к вере в бога. Такого мнения наряду с Грабаускасом придерживался проф. П. Леонас, определявший религию как «определенные убеждения людей об их отношении с богом»²⁹.

²⁷ В настоящей статье, ввиду ограниченности ее объема, характеризуются в основном философские взгляды И. Шлюпаса (вульгарный материализм) и И. Кайрюкштиса (метафизический материализм), как наиболее типичных выразителей материалистического мировоззрения буржуазных атеистов того времени.

²⁸ *Grabau*. Religijų tikrovė, „Kultūra“, 1938, Nr. 10, p. 633.

²⁹ *Prof. P. Leonas*. Valstybės ir bažnyčios santykiai, „Kultūra“, 1930, Nr. 11, p. 548.

Несколько дальше в определении этой стороны религии пошли И. Вабалас-Гудайтис и И. Шлюпас, которые религию связывали с верой в сверхъестественное вообще, а не только с верой в бога. Они правильно подметили, что вера в бога не является обязательным элементом любой религии, что у конфуцианцев, например, бога замещает «небо» (Thian), а у буддистов также отсутствует «очеловеченный бог». По словам И. Вабаласа-Гудайтиса, религия «обозначает мистическое понимание отношений человека с космосом, вызванное определенными чувствами»³⁰. Он подчеркивал, что «...религия есть идеализированное взаимодействие человека (вернее, синергизм) с космосом. Здесь вместо обычно указываемого бога указывается взаимодействие с космосом»³¹. И. Вабалас-Гудайтис делал эти выводы по следующим соображениям. По его мнению, понятие космоса гораздо шире, чем понятие бога. Понятие космоса обнимает всю вселенную — как видимую, так и неощутимую, которая имеет свои законы, свой порядок. При идеализации взаимодействия между человеком и космосом регулятор этих законов и порядка может быть понят как «мировая душа». Взаимодействие человека с космосом может быть понято как астрономическое, мифологическое, олицетворенное или мистическое взаимодействие, что и составляет основу различных религий и различных философских религиозных систем — пантеизма, деизма, теизма и других. Таким образом, И. Вабалас-Гудайтис заключал, что понятие космического бога шире, чем понятие очеловеченного бога. Подобного же взгляда придерживается и И. Шлюпас. В его определении религия — это «вера не столько в богов, сколько в контролирующую природную мощь, такая вера касается человека и его поведения»³².

Наряду с верой в сверхъестественные силы — бога и загробную жизнь буржуазные атеисты в качестве другого важного элемента в понятие религии включали религиозные обряды и обычаи — религиозный культ. На это указывали в своих трудах И. Кайрюкшис, И. Шлюпас и И. Вабалас-Гудайтис.

Сама попытка дать формальное определение религии положительна. Буржуазным атеистам удалось подметить основные элементы религии. Понятие религии они не ограничивали лишь верой в бога. В основном И. Вабалас-Гудайтис и И. Шлюпас правильно указывали, что религия связана с верой в сверхъестественные, фантастические силы. Положительным моментом в данных ими определениях религии является и то, что они не останавливались лишь на гносеологической стороне этого вопроса, подчеркивая элемент веры в сверхъестественное. Ведь не всякая вера в сверхъестественное есть религия. Например, спиритизм, вера в загробное существование духов и в возможность связи

³⁰ J. V. Gudaitis. Klerikalizmas ir laicizmas, „Kultūra“, 1932, Nr. 12, p. 63.

³¹ Prof. J. Vabalas-Gudaitis. Religijos ir tikybos sąvoka, „Kultūra“, 1937, Nr. 12, p. 671.

³² Dr. J. Šliūpas. Religija ir tikyba, „Laisvoji mintis“, 1937, Nr. 1.

с ними посредством так называемых медиумов — это вера в сверхъестественное, но это не религия, как таковая. И эту сторону понятия религии правильно оценили буржуазные атеисты. Понятие религии они справедливо связывали с необходимым ее элементом — наличием религиозного культа; без которого невозможна ни одна религия.

Однако в целом им не удалось сформулировать подлинно научное определение религии. Данные ими определения были либо слишком узкими и потому непригодными, так как охватывали только некоторые, а не все религии, либо, наоборот, слишком широкими и потому тоже непригодными, т. к. приложимы и к таким явлениям, в которых нет ничего религиозного. Определения, данные Грабаускасом, П. Леонасом, в которых понятие религии связывалось только с верой в бога, подверглись критике уже в то время со стороны других буржуазных атеистов. Так, И. Вабалас-Гудайтис, И. Шлюпас показали, что понятие бога свойственно далеко не всем религиям, что оно появилось в истории человечества сравнительно поздно. В большинстве религий есть духи, демоны, вера в загробную жизнь, но нет богов. Несостоятельно также определение, данное проф. И. Вабаласом-Гудайтисом и И. Шлюпасом в виде веры в «космического бога» или «контролируемую природную мощь», ибо подавляющее большинство верующих, сторонников любой религии, и не думает о каких-то особых космических связях. Это понятие свойственно только утонченному богословию таких религий, как буддизм, христианство, ислам.

Говоря об идеализированном, мистическом понимании связей человека с космосом в религиозном мировоззрении, как И. Вабалас-Гудайтис, так и И. Шлюпас понятие религии сводили к внутреннему психическому состоянию человека. По словам И. Вабаласа-Гудайтиса, «религия есть своеобразный (индивидуальный) психический комплекс эндогенного происхождения (сформировавшийся изнутри) и не всегда постоянный у того же самого человека»³³. И. Илгунас определял религию «только как психический факт», форма которого зависит от общего умственного развития и знаний. Фактически на такой же точке зрения стоял и И. Кайрюкштис, который в определении религии следовал за Фрейдом. Религия — это «величайшая иллюзия, возникшая из сильнейших желаний людей»³⁴, — писал он. Кайрюкштис соглашался с Фрейдом также и в том, что религия — это своеобразная болезнь человечества, вылечить которую может лишь развитие культуры. Такое некритическое использование фрейдовского определения религии не могло послужить делу научного решения данного вопроса. В объяснении различных явлений общественной жизни Фрейд исходил из чисто биологических явлений родового самосохранения, болезненного состояния невроза и т. п., отрицая при этом определяющую роль материальных условий жизни общества, сводя деятельность общества к психической деятельности от-

³³ Prof. J. Vabalas-Gudaitis. Religijos ir tikybos sąvoka, 1937, Nr. 12, p. 672.

³⁴ D-ras J. K. Religija ir psichoanalizė, „Vaga“, 1931, Nr. 4—5, p. 216.

дельных индивидов. Его концепция, философской основой которой являлся субъективный идеализм, была не только односторонней, но и антинаучной, сыгравшей реакционную роль. Правда, И. Кайрюкштите в некоторой степени смог выйти за рамки этой ограниченности, подчеркивая зависимость сознания человека, в том числе и его религиозных взглядов, от окружающей среды. Тем не менее сведение религии к чисто психическому факту, что в основном было свойственно всем буржуазным атеистам, являлось уступкой самой религии и клерикализму.

Рассуждения о религии, как о внутреннем психическом состоянии человека, прямым путем ведут к увековечению самой религии. Этот недостаток имеется в данном буржуазными атеистами определении религии. Ценная мысль об идеализации, мистификации в религии связей человека с окружающим миром — космосом дана на субъективно-идеалистической основе. В противоположность буржуазным атеистам в научном определении религии Энгельса как раз подчеркивается объективная основа появления фантастических религиозных представлений людей. Эту основу составляет фантастическое, искаженное отражение явлений объективного мира. Развивая эту мысль, Ф. Энгельс писал: «...всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, — отражением, в котором земные силы принимают форму неземных»³⁵. Упомянутое определение Энгельса уже в то время использовалось и комментировалось в статьях литовских идеологов пролетарского атеизма, но было оставлено без внимания теоретиками буржуазного атеизма.

Таким образом, выяснив основные элементы религии, буржуазные атеисты в целом так и не смогли сформулировать подлинно научного определения религии, как совокупности человеческих отношений, действий, предметов и идей, связанных с верой в сверхъестественное.

Желая отмежеваться от религиозных идеологов, И. Вабалас-Гудайтис и И. Шлюпас рассматривали вопрос о различии между верой и религией. По Шлюпасу, «вера держится на авторитетах и религиозных доктринах, которые священники считают истиной, данной от бога, хотя не в состоянии доказать этой божественности»³⁶.

На такой же точке зрения стоял и И. Вабалас-Гудайтис, заявляя, что вера — это «религия, конкретизированная в определенной системе догм и воплощенная в определенном коллективе и в церкви верующих»³⁷. Вторая особенность веры, по мнению И. Вабаласа-Гудайтиса, состоит в том, что это коллективизированная, организованная религия. Отмечая эту вторую особенность веры, И. Вабалас-Гудайтис подчеркивал разницу между индивидуальной и коллективной религией. Вера, как коллективная религия, по его словам, имеет «экзогенное» (внешнее) происхождение.

³⁵ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, 1952, стр. 299.

³⁶ Dr. J. Šliūpas. Religija ir tikyba, „Laisvoji mintis“, 1937, Nr. 1.

³⁷ J. V. Gudaitis. Klerikalizmas ir laicizmas, „Kultūra“, 1932, Nr. 12, p. 623.

ние, она прививается всему коллективу одинаковыми средствами, так как задачей веры является объединение людей в одну религиозную семью. В отличие от веры естественная, врожденная, индивидуальная религия возникает естественным путем и эндогенна по своему происхождению.

Если вера конкретизируется в определенной системе догм и обрядов, то религия, по мнению И. Шлюпаса, обозначает нечто вроде учения о формах и возникновении различных религиозных вер. И. Вабалас-Гудайтис понятие религии распространял на «любое предчувствие и внутреннее убеждение мистического характера относительно высшей цели человека, эволюции человечества, поддержание определенных отношений с природой и со всем закономерным миром и космосом»³⁸.

Сравнивая религию и веру, И. Вабалас-Гудайтис заявлял, что вера часто прививает вражду людей к инакомыслящим, что внутреннюю религиозность она превращает в обрядовую, что она использует насилие и темноту людей в корыстных целях. Религия же более свободна от эгоизма и фанатизма верующих, она не стремится к порабощению души другого, она несовместима с ограничениями и насилием веры. А потому по мере развития и распространения в массах культуры и науки будет появляться все больше свободно и самостоятельно мыслящих людей — человек будет более религиозным, чем верующим. Религия явится стимулом, регулирующим поведение людей. Но от таких выводов не откажутся даже и сами религиозные фанатики.

Правда, не все буржуазные атеисты солидаризировались с этим мнением. Так, И. Кайрюкштис писал: «Не религия, а культура сдерживает низменные инстинкты в человеке и делает его более пригодным для совместной жизни. Отнимите у человека науку и культуру, оставьте ему только религию, и он будет темным, беспомощным и несчастным, как первобытный человек. . . Поэтому мы не можем создавать никакой новой религии»³⁹.

И. Кайрюкштис критиковал тех представителей свободомыслия, которые пытались увековечить религию. Он говорил, что свободомыслящий человек не может проявлять никакого почтения к религии.

«Свободомыслящий,⁴⁰ писал И. Кайрюкштис,— может иметь только одну веру, которая может быть для него моральным руководителем. Но эта вера не имеет ничего общего с религией и происходит не из области мечтаний. Это вера в могущество человека и светлое будущее человечества»⁴⁰.

Но даже и у И. Кайрюкштиса мы встречаем такие непоследовательные высказывания, как «поиски бога, конечно, более почетное занятие, чем стремление только к материальным благам в своей жизни»⁴¹.

³⁸ J. V. Gudaitis. Klerikalizmas ir laicizmas, „Kultūra“, 1932, Nr. 12, p. 623.

³⁹ Dr. J. K. Laisvamanio tikėjimas, „Laisvoji mintis“, 1934, Nr. 6—7.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ T. Karušis (псевдоним И. Кайрюкштиса.— Э. К.). Laisvosios minties ABC, p. 27.

В статье «Вера свободомыслящего», где он решительно высказывался против религии, мы находим и такое заявление: «Настоящие свободомыслящие не встают поперек дороги тем, которые ищут новые и разумные пути для отыскания бога»⁴².

Хотя во всех этих высказываниях видно решительное осуждение реакционной сущности религии, все же признание какой-то иной, внутренней, «хорошей» религии значительно подрывало авторитет буржуазного атеизма.

Понятие веры в действительности шире понятия религии и необязательно связывается с религиозной верой. Человек верит в силу разума, в свои собственные силы, в победу коммунизма на земле, в достоверность научных знаний. Но эта вера в отличие от религиозной, представляющей слепую приверженность к догматам религии, основана на научном познании законов природы и общества, истинность которых ежедневно, ежеминутно подтверждается в практической, революционной деятельности человека. В противоположность марксистско-ленинскому решению вопроса о соотношении религии и веры, буржуазные атеисты понятие религии подменяли понятием веры. Тем самым они сужали понятие веры и необоснованно расширяли понятие религии. Поэтому и получилось, что религия, по И. Шлюпасу, распространялась на область научных знаний о происхождении и изменении религии, а И. Вабалас-Гудайтис к области религии относил даже воззрения на взаимоотношения человека с окружающим миром. Таким образом, они в понятие религии включали и ту область человеческого сознания, которая принадлежит науке, морали и философии. Их ошибка заключалась в том, что в данном случае они фактически не разграничивали, не противопоставляли религиозное и научное миропонимание в вопросах о предвидении и воззрения человека на мир в целом. Поэтому они создавали предпосылку для отождествления религии и научного знания.

Затушевывание коренной противоположности между религией и наукой реакционно, ненаучно, является уступкой религиозной идеологии. На деле это приводит к признанию необходимости и вечности религии в обществе — к выводу, который с радостью принимают самые ярые сторонники религии.

Наука дает правильное, проверяемое и подтверждаемое практикой отражение окружающего мира, в то время как религия — это фантастическое, извращенное отражение и объяснение действительности, противоречащее практике. Если наука является выражением побед человеческого общества над стихийными силами природы и общественного развития, то религия выражает слабость, зависимость и бессилие человека перед окружающими его стихийными силами. Неверно и отождествление религии со свободной и самостоятельной мыслью, как это делал И. Вабалас-Гудайтис, противопоставляя религию темной, враждебной, корыстолюбивой вере. В корне антинаучны высказывания буржуазных

⁴² Dr. J. K. Laisvamanio tikėjimas, „Laisvoji mintis“, 1934, Nr. 6—7.

атеистов о религии как стимуле, регулирующем поведение людей, о религиозности человека будущего. Хотя подобные высказывания не занимают значительного места в их трудах, однако наличие их не представляло категорического отказа от религии, но оставляло лазейку для создания новой, «возвышенной» религии. Излагая принципиальную позицию пролетарского атеизма в данном вопросе, коммунист А. Ясутис (V. Vainis) писал, что «пролетариат самый стойкий враг буржуазии и ее религий, все равно в какого бога она бы не верила»⁴³.

В. И. Ленин показал, что всякая религия есть вера в бога, а потому любая новая религия, в какой бы утонченной форме она не преподносилась, всегда протаскивает в сознание людей веру в бога и служит проводником идей рабства. В письме А. М. Горькому в декабре 1918 года В. И. Ленин писал: «Неверно, что бог есть комплекс идей, будящих и организующих социальные чувства. Это — богдановский идеализм, затушевывающий материальное происхождение идей. Бог есть (исторически и житейски) прежде всего комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека и внешней природой и классовым гнетом, — идей, закрепляющих эту придавленность, усыпляющих классовую борьбу... Идея бога *всегда* усыпляла и притупляла «социальные чувства», подменяя живое мертвечиной, будучи *всегда* идеей рабства (худшего, безысходного рабства). Никогда идея бога не «связывала личность с обществом», а всегда *связывала* угнетенные классы верой в божественность угнетателей»⁴⁴. Если религия есть фантастическое, искаженное отражение действительности в головах людей, то она не может быть средством познания действительности, регулирования взаимоотношений людей, а тем более не может указывать пути для достижения определенных целей.

Неаучна также теория И. Вабаласа-Гудайтиса о коллективной и индивидуальной религии. В своей основе неверны его рассуждения о том, что коллективная религия-вера прививается в виде догм целому коллективу, где преследуется цель создания религиозной семьи. В данном случае И. Вабалас-Гудайтис не заметил того, что религия как форма общественного сознания является общественным продуктом, что «...обожествление природы или это определенное отношение к природе, — как доказали К. Маркс и Ф. Энгельс, — обуславливается формой общества, и наоборот»⁴⁵. Они указывали, что «если во всей идеологии люди и их отношения оказываются поставленными на голову, словно в камере-обсуре, то и это явление точно так же происходит из исторического процесса их жизни, — подобно тому как обратное изображение предметов на сетчатке глаза происходит из непосредственного физического процесса их жизни»⁴⁶. Неверно также и противопоставление индиви-

⁴³ V. Vainis. Buržuaziniai laisvamaniai, kai žlunga religijos, „Komunistas“, 1931, Nr. 3, p. 33.

⁴⁴ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-ое, т. 35, стр. 93.

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 29.

⁴⁶ Там же, стр. 25.

дуальной религии коллективной. Этот вопрос затрагивает область взаимоотношения индивидуального и общественного сознания. Любая идеологическая форма, в том числе и религиозное сознание, является прежде всего общественным сознанием, оно не может отождествляться с мышлением отдельного единичного человека, а, по словам Ф. Энгельса, «существует только как индивидуальное мышление многих миллиардов прошедших, настоящих и будущих людей»⁴⁷.

Люди сами являются творцами своих собственных идей. Но при этом люди должны рассматриваться в конкретно-исторических условиях, обусловленных определенным уровнем развития производительных сил и производственных отношений. Как писал К. Маркс, «... действительное духовное богатство индивида всецело зависит от богатства его действительных отношений»⁴⁸.

Не отрицая, таким образом, наличия индивидуального сознания, К. Маркс и Ф. Энгельс не противопоставляли индивидуальное сознание общественному, а рассматривали их в диалектической взаимосвязи. Они показали, что как общественное сознание, так и индивидуальное определяется конкретно-историческими условиями.

Такого анализа нет в трудах буржуазных атеистов, а потому И. Вабалас-Гудайтис и противопоставлял коллективной религии, вносимой в данный коллектив, естественную, врожденную индивидуальную религию, якобы формирующуюся внутри сознания отдельного человека, независимо от обстоятельств. Подобные рассуждения объективно приводили к увековечению самой религии, хотя сами буржуазные атеисты резко выступали против идеи врожденности религиозных чувств. Отсутствие научного подхода, путаница в самой терминологии приводили их к такой непоследовательности.

Положительным моментом в рассуждениях о религии и вере явилась сама постановка вопроса, как стремление отмежеваться от религиозных идеологов. В ходе обсуждения этого вопроса были отмечены основные признаки религии, показана ее реакционная роль в жизни общества. Все это в конечном счете способствовало выяснению вопроса о сущности религии. Однако вышеперечисленные недостатки помешали им вполне научно выяснить понятие религии и раскритиковать ее по существу.

В трудах буржуазных атеистов имеются попытки решить вопрос о соотношении между религией и идеализмом. Идея о связи между идеализмом и религией развивалась И. Кайрюкштисом. При характеристике современных ему идеалистических направлений он указывал на их явную связь с религией. Так, в своей критике прагматизма он правильно подметил, что это новое идеалистическое течение находится под опекой католичества, которое видит в нем прекрасное средство для примирения науки с религией. Прагматисты говорят, что практика жизни

⁴⁷ Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», стр. 81.

⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 36.

оправдывает как естествознание, так и религию, т. к. и то и другое дает определенные плодотворные результаты. Но поскольку религия и наука направлены на удовлетворение различных потребностей человека и создают различные ценности, то они не могут противоречить друг другу. Наука и религия,— по мнению теологов,— это лишь разные виды познания, это параллельные направления, которые никогда не могут столкнуться. «Таким образом,— писал И. Кайрюкштис,— строго отделяя область религии и науки, прагматизм позволяет религии свободно игнорировать науку и исключает возможные между ними конфликты»⁴⁹.

Ярыми и открытыми защитниками мистики и религии, по мнению И. Кайрюкштиса, являются представители так называемой ортодоксальной философии (он имеет в виду неотомизм). Для них только религия со своими вечными и неизменными целями и имеет значение. Наука же, на их взгляд,— это «случайное творчество непостоянного содержания», «поверхностная схема мира», «искусственное соединение изолированных понятий».

И. Кайрюкштис разоблачал тактику ортодоксальных философов в деле использования науки для построения своих реакционных религиозных концепций.

«Недостатки науки,— писал он,— и являются в большинстве своем той областью, откуда они черпают силу своих доказательств и где они находят оплот своим рассуждениям. Все проблемы естествознания, о которых в науке господствуют нелепые гипотезы и где больше всего проявляется молодость науки, используются для принижения естествознания и для возвышения других источников познания, как религия»⁵⁰. Хотя в этих рассуждениях и имеется неточность в виде признания религии одним из источников познания, которую он повторяет вслед за ортодоксальными философами, однако само замечание о спекуляции теологии на слабостях науки очень ценно.

Буржуазные атеисты довольно широко и подробно на примере конкретных проблем науки доказывали тщетность теологов в их попытках примирить религию с наукой, раскрывали реакционную сущность подобных стремлений.

Проблема соотношения между религией и идеализмом некоторыми из них ставилась скорее в плане отношений религиозной веры и религиозного учения — теологии, схоластики. Различие между верой (религией) и теологией они усматривали в том, что религию составляет небольшое количество обрядов, которые почти не изменились на протяжении существования самой религии. Религия — это практика. Теология же составляет теоретическую основу любой религии и изменяется в зависимости от требований эпохи. Буржуазные атеисты видели, что сущность соединения религии с теологией заключается в том, что последняя помогает укреплять консерватизм религии и, опираясь на схоласти-

⁴⁹ *Gyd. J. Kairiūkštis. Gamtos mokslų filosofija*, p. 7—8.

⁵⁰ Там же, стр. 8.

ку, является основой борьбы с наукой. При этом они всемерно подчеркивали антинаучность религии и теологии. «Схоластическая школа дала церкви целый ряд апологетов, но прогрессу жизни вряд ли помогла»⁵¹, — писал Шопausкис, осуждая одновременно церковь за преследования учения Коперника и других ученых. Разоблачая реакционность союза религии со схоластикой, Шопausкис, однако, не направлял острие своей критики против идеализма в целом. Но в данном вопросе как раз очень важно показать то, что «научная поповщина» идеалистической философии есть простое преддверие прямой поповщины»⁵². Эта мысль широко освещается в трудах классиков марксизма-ленинизма.

За борьбой религии и идеализма против науки и научной философии отдельные буржуазные атеисты иногда пытались усмотреть классовые интересы эксплуататорских классов. Излагая содержание статьи советского автора М. Шахновича, И. Шлюпас писал: «Боязнь науки заглянуть в будущее, которое ничего хорошего не сулит господствующему классу, заставляет ученых провозглашать невозможность познать мир, необходимость отрицания вещества и т. д. «Западные знатоки» объявляют о «гибели европейской науки, о бессмыслице истории» и потому они борются против диалектического материализма в социальных науках»⁵³.

Однако в целом литовские буржуазные атеисты так и не смогли до конца научно решить вопрос о соотношении идеализма и религии. Им не удалось выяснить классовую подоплеку союза религии и идеализма в их борьбе против науки, за сохранение господства эксплуататорских классов. Подлинно научное решение этого вопроса дал В. И. Ленин при анализе сущности эмпириокритицизма. Он писал: «За гносеологической схоластикой эмпириокритицизма нельзя не видеть борьбы партий в философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества»⁵⁴. Буржуазные атеисты также не вскрыли связи идеализма и фидеизма в их борьбе против научного материализма. Идеализм, — указал В. И. Ленин, — «есть только утонченная, рафинированная форма фидеизма, который стоит во всеоружии, располагает громадными организациями и продолжает неуклонно воздействовать на массы, обращая на пользу себе малейшее шатание философской мысли. Объективная, классовая роль эмпириокритицизма всецело сводится к прислужничеству фидеистам в их борьбе против материализма вообще и против исторического материализма в частности»⁵⁵.

Поскольку в современных религиях центральное место занимает вера в бога, то буржуазные атеисты большое внимание уделяли критике

⁵¹ *Šopauskis*. Vidurinių amžių pasaulėžvalga, „Kultūra“, 1926, Nr. 5—6, p. 253.

⁵² В. И. Ленин. Соч., изд. 4-ое, т. 14, стр. 326.

⁵³ Smunkantis mokslas ir bažnyčia. Sekant M. Sachnovičium parašė D-ras J. Sliūpas. „Laisvoji mintis“, 1935, Nr. 3.

⁵⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 343.

⁵⁵ Там же.

понятия бога, тем самым доказывая несостоятельность такой веры. На брошюрах, которые распространялись представителями свободомыслия в то время, была печать с подписью секретаря Центрального управления свободомыслящих К. Валашина со следующим текстом: «Тысячелетиями люди почитали различных богов. Богами они считали и почитали гром, солнце, животных и т. д. Искатели истин — ученые выяснили, что все боги выдуманы самими людьми, что в действительности нет никаких богов»⁵⁶.

В критике идеи бога они продолжали мысли атеистов древности, французских материалистов XVIII в., Фейербаха о том, что бог создан человеком по своему образу и подобию. И. Илгунас писал, что люди, принадлежащие к разным расам, имеют каждый созданный ими же образ бога. Причем это касается не только языческого бога, но и христианского, понятие о котором также меняется. По аналогии со своими действиями и переживаниями человек и создает образ окружающего мира, отмечал проф. П. Леонас.

Говоря о пути образования понятия о боге, И. Илгунас писал: «Итак, бог, в которого верят люди, это: солнце, свет, счастье, природа. Но вот пришло христианство и вложило другой смысл в имена того «*deva*» или «*vaṇa*», словно в подобранные рамки вставило другой портрет — старого человека. Он — человек, т. к. сидит на престоле, как король, с руками, ногами, пальцами (перст божий), с глазами (глаз божий) и может сердиться подобно человеку, карать подобно человеку, и перед ним можно извиниться наподобие человека»⁵⁷. Доказательством этому служит не только сравнительное изучение представлений о боге в различные времена и у разных народов, но и сама этимология слова «бог» или по-литовски «*dievas*». На этой стороне вопроса подробно останавливается И. Шлюпас. Последний исследовал значение слова «бог» на различных языках: «*dievas*» — по-литовски, «*devá*» — по-санскритски, «*deus*» — по-латински, в старо-норвежском — «*fivar*» (боги), а также *Dyáus pitá*, *Zeus pater*, *Jupiter*. Шлюпас показал, что из того же самого корня произошли слова: день — *dies* (лат.), *dīna* (санскрит), день (русск.), *dzień* (польск.). «Итак, ясно, — писал Шлюпас, — что «*dievas*» означает солнце, светлое небо, а почитатели «бога» — это почитатели солнца или светлого неба. . . Вот вам и действительное происхождение бога»⁵⁸. Точно так же Шлюпас выяснял и этимологию слов «черт», «душа». Развивая идею об историчности религии вообще, буржуазные атеисты рассматривали вопрос о причинах образования понятия «бог». Они пришли к выводу, что понятия бога и бессмертия души являются психическими фактами и зависят от общего образования человека. Для верующего они создают облегчение, а неверующие ищут утешение в других более

⁵⁶ Antspaudas ant Otto Corvino knygos „Ar išgano liaudį relikvijos ir atlaidai?“

⁵⁷ *Jonas Ilgūnas. Apie tikėjimą, dievus, apeigas ir Jėzų Kristų ant kryžiaus, „Kultūra“.* 1930, Nr. 6—7, p. 322.

⁵⁸ *Dr. J. Šliūpas. Ką reiškia „dievas“ ir „velnias“, „Laisvoji mintis“, 1931, Nr. 1.*

реальных явлениях. С другой стороны, индивидуальный бог каждого человека является результатом веры и обычаев, привитых ему с малых лет под влиянием воспитания в семье. Сами религиозные идеологи бес- силны доказать существование бога, а потому вынуждены прибегать к сверхъестественному. «Духовенство, видимо, поместило бога на небе потому, что не может указать его существование на земле»⁵⁹, — писал И. Кайрюкштис. Молитва, обращенная к богу, является ни чем иным как мольбой к всемогущему богу произвести чудо. Но любое чудо является отрицанием законов природы, а потому невозможно.

В трудах буржуазных атеистов в целом дается критика теологического доказательства бытия бога в его основных формах — космологической, онтологической, телеологической, а также моральной, психологической.

Космологическое доказательство бытия бога в теологии исходит из неверного положения о конечности материи и о существовании нематериальной причины возникновения вселенной.

В трудах И. Шлюпаса, И. Кайрюкштиса и др. имеется более или менее широкое философское выяснение данного вопроса с материалистических позиций. «В глаза бросается вечность вселенной, — писал И. Шлюпас. Нет ни начала, ни конца! Значит, нет творца, нет акта творения. Наука не находит места ни чуду, ни богу, ни черту»⁶⁰. Эти положения И. Шлюпас доказывал, исходя из своей концепции об эфире, о вечной неуничтожимости движения материи, о единстве мира, которое вытекает из родства групп элементов, из превращения одного элемента в другой, основываясь на признании закономерности объективного мира. В своей аргументации он ссылался на закон сохранения массы и энергии⁶¹, на философские идеи Спинозы и Геккеля.

На страницах газеты «Лайсвожи минтис» имеются рассуждения, направленные против онтологического доказательства бытия бога. Сущность этого доказательства заключается в том, что бог мыслится как совокупность всех совершенств (идеальных свойств). Но к этой совокупности совершенств принадлежит прежде всего существование, ибо существо, не имеющее существования, по необходимости несовершенно. На этом основании в число совершенств бога следует включить и существование. Отсюда теологи делают вывод, что бог непременно существует. Критикуя это доказательство, буржуазные атеисты брали одно из так называемых совершенств бога, например, его всемогущество и доказывали, что такого всемогущества бога не существует, что сами верующие на каждом шагу опровергают человеком же сочиненные басни. Вот один из примеров подобного рассуждения.

Верующие утверждают, что бог всемогущ. Но сами же они признают, что на него можно воздействовать. Сам факт получения от него ми-

⁵⁹ Dr. J. K. Laisvamanio tikėjimas, „Laisvoji mintis“, 1934, Nr. 6—7.

⁶⁰ Dr. J. Šliūpas. Ką mes siūlome religijos vietoje, „Laisvoji mintis“, 1937, Nr. 3.

⁶¹ У И. Шлюпаса — закон сохранения вещества и силы.

лости посредством молитвы говорит о том, что бог поступает так, как указывают ему верующие. «Все религии учат, что бог — господин над людьми, люди — его слуги и рабы. В действительности выходит, что бог и боги — слуги людей, исполнители их воли»⁶². «Духовенство постоянно твердит, что молитвы «униженных сердец» бог всегда выслушает. Если все люди пахнут, сеют, удобряют почву, готовят топливо для отопления домов, боятся несчастий, значит, все они не верят в бога и его всемогущество»⁶³. Таковы меткие замечания, помещенные на страницах газеты «Лайсвои минтис».

В переведенной И. Кайрюкштисом книге М. И. Гаувина «Существует ли настоящий бог?» показано, до какой бессмыслицы доводят рассуждения о совершенстве бога. По утверждениям теологов, для создания совершенного мира нужен еще более совершенный бог. Но если мыслить логически, то этого совершенного бога должен был создать еще более совершенный бог, более совершенного бога — еще более совершенный — и так без конца: для каждого творца должен бы быть все более совершенный творец. Таким образом, сами теологи запутываются в противоречиях.

В таком же плане рассматривались и все другие аргументы онтологического доказательства.

Критикуя телеологическое доказательство бытия бога, основанное на признании целесообразности в природе, установленной по велению божьему, буржуазные атеисты широко использовали труды Ч. Дарвина. И. Кайрюкштис, основываясь на идеях Ч. Дарвина, развивал положение об относительной целесообразности в органическом мире. Он показывал, что в природе имеется множество фактов, свидетельствующих о несовершенстве и нецелесообразности.

Кайрюкштис приводил множество фактов из физиологии живого организма, говорящих о том, что различные вредные реакции, патологические явления отнюдь не свидетельствуют об абсолютной целесообразности организма. Он показал, как живой организм в новых условиях часто реагирует далеко нецелесообразно. Об этом свидетельствует гибель тысяч птиц, насекомых вокруг любого маяка.

Меткой и остроумной критике подверглись телеологические теории в книге атеиста И. Б. Бури «История свободной мысли», которую и переработал И. Шлюпас. Говоря о процессе нереста рыб, во время которого рыба мечет большое количество икринок, автор указывает на существующую нецелесообразность в этом процессе. Производство такого огромного количества икринок, где не всякая является началом новой жизни, точно так же нецелесообразно и бессмысленно, как если бы человек, нуждающийся в одной квартире, построил бы целый город и бросил его на произвол судьбы, поселившись в одной квартире.

⁶² J. St. ir J. M. Mintys apie tikėjimą, „Laisvoji mintis“, 1935, Nr. 1.

⁶³ Там же, Nr. 3.

«А ведь природа поступает именно так... для производства одного существа она жертвует неисчислимым семенам»⁶⁴.

Далее в книге указывается и на тот факт, что глаз справедливо признается всеми одним из самых совершенных органов. Однако и в нем имеются элементы несовершенства. Автор цитирует слова знаменитого естествоиспытателя-оптика Гельмгольца, оценившего достоинство глаза следующим образом: «Если бы оптик прислал его мне как инструмент, я должен был бы отослать его назад, указав на недобросовестную его работу, и потребовал бы возратить мои деньги». В критике телеологического доказательства бытия бога ставился вопрос, выдвигаемый еще в древней Греции: если в мире все целесообразно, то откуда в нем зло? Религия провозглашает, что бог бесконечно милостив. Но как же сопоставить эту его особенность с существующими в мире жестокостями, с непрерывными войнами и боями людей? Почему же бог допускает одним других убивать, мучить, истязать, проливать слезы сирот? Если теологи утверждают, что ни один волос не упадет с головы человека без воли божьей, то почему творец допускает зло на земле, а затем наказывает за это зло адом?

Таким образом, буржуазные атеисты показывали, что сами же верующие разрушают своего собственного бога. Поэтому «если есть бог, то лучший друг его — безбожник... Безбожник и не думает приписывать богу все преступления и не смеется над ним, почитая его за так называемую доброту»⁶⁵, — иронически замечали они на страницах газеты «Лайсвои минтис».

Ввиду ограниченности размеров данной статьи нет возможности дать анализ критики всех теологических доказательств бытия бога. Однако краткое изложение критики основных доказательств позволяет составить представление о подходе буржуазных атеистов к теологической идее существования бога.

Критику теологических доказательств бытия бога буржуазные атеисты осуществляли по трем линиям:

1) отрицание объективного существования бога посредством философского доказательства материального единства мира, его вечности и бесконечности;

2) опровержение богословских вымыслов путем использования данных научного естествознания;

3) логические опровержения богословских доказательств бытия бога.

Критика теологических доказательств существования бога не нова. Уже Демокрит, Эпикур, Лукреций, Эмпедокл, а в дальнейшем Бэкон, Локк, Спиноза, французские материалисты XVIII в., Фейербах и др. показали всю бессмысленность и противоречивость подобных доказательств. Эта критика велась и с идеалистических позиций, например, Кантом.

⁶⁴ Prof. J. B. Bury. *Historija minties laisvės*, Biržai, 1923, p. 128.

⁶⁵ *Laisvamaniški šipuliai*. Dievas ir bedievis, „Laisvoji mintis“, 1935, Nr. 10, p. 1—2.

Выступив с опровержением трех основных доказательств бытия бога, Кант доказывал невозможность всякого теоретического обоснования бытия бога. Но при этом он выдвинул новое нравственное доказательство, рассматривая бога, как постулат практического разума. Существование бога он сделал нормой нравственного поведения. Таким образом, все его опровержения сводились к созданию нового бога.

Заслуга литовских буржуазных атеистов в данном вопросе состоит в том, что, используя атеистические традиции, они широко пропагандировали материализм, новые научные достижения XX века, в яркой и доступной форме раскрывали нелепости и противоречия самих основ религиозной веры. Все это служило выяснению вопроса о сущности религии.

В трудах буржуазных атеистов Литвы много внимания уделяется критике религии как антинаучного мировоззрения, как реакционного явления в общественной жизни. По их словам, одна из особенностей религии заключается в том, что она основана на слепой вере в авторитеты. И по этому поводу недвусмысленно высказывалось само духовенство, что удачно использовали буржуазные атеисты в своей антирелигиозной пропаганде. «Для верующего истина должна быть темной,— говорил священник д-р Лясаускис,— т. к. иначе это было бы знание, а не вера»⁶⁶,—цитировал И. Илгунас слова религиозного идеолога. Верующие обычно придерживаются своих обрядов по привычке, никогда серьезно не задумываются над тем, что же привязывает их к той или иной вере. Тот же И. Илгунас очень метко подмечал софистику в самой основе религии. На чем же основана вера христианина и католика? — спрашивал он. На доверии к своим пастырям... Но на чем основано это доверие? — На откровении! А на чем же основано само откровение? — Да на авторитете учителей — теологов и духовенства. Такова аргументация католиков. И при помощи такого рассуждения они приходят к выводу: «Для того, чтобы верить, нужно иметь веру, а для того, чтобы иметь слепую веру, нужно верить, иначе говоря, нужно уже иметь веру, чтобы верить в необходимость веры, далее говорится: верь и не спрашивай или же погибай и гори на костре»⁶⁷.

Если же кто и пытается показать цель возникновения подобных догм и разоблачить их ошибочные утверждения, то на это смотрят как на богохульство. Но из того, что они боятся заглянуть правде в глаза, возникает и страх перед неумолимыми законами природы, появляется необходимость «продолжения своего существования в загробной жизни».

Вера же в загробную жизнь приносит лишь вред человечеству. И не правы те, кто утверждает, что несчастные нуждаются в религии. Обращение к богу подобно стремлению ребенка достать месяц с неба. На-

⁶⁶ *Jonas Ilgūnas. Apie tikėjimą, dievus, apeigas ir Jėzų Kristų ant kryžiaus, „Kultūra“, 1930, Nr. 2, p. 101.*

⁶⁷ *J. Ilgūnas. Tikėjimą akys sukloidino, „Laisvamanis“, 1933, Nr. 6.*

прасно он простирает ручки, заливаясь жгучими слезами в бессилии удовлетворить свое желание. Такую характеристику религии можно было встретить не только в статьях основных теоретиков буржуазного атеизма, но и в многочисленных высказываниях рядовых представителей свободомыслия, помещаемых на страницах атеистической печати.

Многие авторы подчеркивали, что религия, основываясь на бездоказательности и невежестве, провозглашает рабскую покорность и пассивность. В своей характеристике религии И. Кайрюкшис как бы обобщил все перечисленные особенности религии. Он писал: «В своей сущности вера вредное явление: она не только препятствует развитию ума, сужает его кругозор, но и убивает в нем энергию и делает человека удивительно пассивным членом общества, вызывая в нем странные, нереальные мечты»⁶⁸.

Мысль о том, что религия является «величайшей силой консерватизма»⁶⁹, что она всегда препятствовала и препятствует человеческому прогрессу, что она отвлекает внимание человека от реальных задач земной жизни,— красной нитью проходит через все труды буржуазных атеистов. Они всемерно подчеркивали реакционную сущность религии как орудия угнетения трудящихся масс. Об этом писали и И. Шлюпас, и И. Кайрюкшис, и другие авторы на страницах атеистических журналов и газет. Они показывали, что лозунг религиозных теоретиков «Ignoramus et ignorabimus!» (не знаем и не узнаем) в классовом обществе соединяется с лозунгом: но можем и не сможем, рабами были, рабами и останемся.

В этом несомненно сказывается влияние марксистских идей на буржуазный атеизм. И. Кайрюкшис по этому поводу писал, что «учение Христа использовалось господствующими как лучшее средство спокойным образом усмирять людей и править ими. . . Друзья бога и церкви всегда были врагами свободы народа»⁷⁰. И. Шлюпас так прямо и заявлял: «Религия — это настоящий духовный алкоголь или опиум, в котором трудящиеся рабы топят свое человеческое достоинство, свои права на сколько-нибудь более достойную человеческую жизнь»⁷¹.

В атеистической печати того времени широко проводилась мысль о том, что во всем мире деспотизм поддерживает и использует религию в своих целях. При помощи религии энергия людей выходит из социальной колеи и тонет в религиозном дурмане и пустых мечтах.

Буржуазные атеисты подчеркивали, что духовенство хорошо понимает эту функцию религии как орудия угнетения, а потому и заявляют, что «. . .вера в бога есть основа общественной жизни. Кто ослабляет веру в бога, тот угрожает будущему человечества»⁷². Идея об эксплуата-

⁶⁸ Dr. J. K. Laisvamanio tikėjimas, „Laisvoji mintis“, 1934, Nr. 6—7.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ T. Karušis. Laisvosios minties ABC, p. 27.

⁷¹ Dr. J. Sliūpas. Darbas ir religija, „Laisvoji mintis“, 1935, Nr. 5.

⁷² Laisvūnas. Religijos kova prieš evoliucijos mokslą, „Laisvoji mintis“, 1936, Nr. 2.

торской сущности религии всячески пропагандировалась в атеистической печати того времени. В газете «Лайсвоји минтис» за 1935 гѳд было отпечатано «Завещание даватки»⁷³ без подписи, в котором ясно выступают мысли И. Шлюпаса. «Я поняла,— написано там,— что рай существует для того, чтобы им можно было торговать, вера же со своим адом — это настоящий недоуздок для народа». И, обращаясь к дочери, она пишет: «Живя, не думай о рае и об аде в загробной жизни, они, должно быть, выдуманы, чтобы лучше эксплуатировать людей». Сам И. Шлюпас в статье «Народ и религия» писал: «Религия и тюрьма — это близнецы!»⁷⁴

Буржуазные атеисты старались раскрыть реакционную сущность религии во всех областях жизни человечества. По их словам, религия не выдерживает критики и с точки зрения морали. Если нравственность есть признак высокой культуры, то вера — признак отсталости. Вслед за Кабе И. Шлюпас повторял: «Христианская мораль никогда не вдохновляла социальной справедливости; а ведь социальная справедливость гораздо более важна, чем личная нравственность»⁷⁵.

Подобным же образом высказывался и И. Кайрюкштис, говоря, что бог «поддерживает такое устройство общества, где имеется и насилие, и преследования, и рабство». А потому «нравственное достоинство библии слишком ничтожно. Она не смягчает отношения между людьми, а побуждает мир к жестокостям»⁷⁶. Поэтому религия в целом — это самое тяжелое бремя человечества. Религия не внесла ничего полезного и нового в грандиозное здание науки и знаний. Искусство она использовала в своих низменных целях, чтобы расширить свое влияние на людей. Религия всегда и всюду препятствовала любому социальному прогрессу. Выясняя сущность религии, буржуазные атеисты делали решительный и недвусмысленный вывод о том, что «религии еуждено погибнуть и исчезнуть!»⁷⁷

Однако, несмотря на такой радикальный вывод и в основном правильную характеристику религии, данную буржуазными атеистами, последние не смогли подняться в решении этого вопроса до уровня пролетарского атеизма. Их достоинством является то, что они сумели увидеть в религии орудие угнетения. Но этот вопрос в их произведениях ставится слишком абстрактно и декларативно. Свои положения об эксплуататорской сущности религии они подтверждали в основном фактами из истории средневековья. Правда, И. Шлюпас немало говорил и об угнетении в современном ему обществе. Как видно, он, хотя и поверхностно, читал марксистские труды. В этом обществе «религия —

⁷³ Д а в а т к а — фанатически религиозная женщина.

⁷⁴ *Dr. J. Sliūpas. Tauta ir religija, „Laisvoji mintis“, 1936, Nr. 1.*

⁷⁵ *J. Sliūpas. Krikščionių moralės šaltiniai (pagal Mc. Kabę), „Laisvoji mintis“, 1935, Nr. 10.*

⁷⁶ *T. Karušis. Laisvosios minties ABC, p. 18—19.*

⁷⁷ *Dr. J. Sliūpas. Tauta ir religija, „Laisvoji mintis“, 1936, Nr. 1.*

это остаток прошлого, детище господствующего класса, отзвук крепостничества и рабства, избавиться от которого многие боятся»⁷⁸.

Что же касается социальной функции религии в буржуазном обществе, то И. Шлюпас выступал против неверного, на его взгляд, отношения церкви к труду. «Религиозный взгляд на труд — это разращение и обожествление того рабского отношения к труду, которое образовалось в сословном обществе. . . «Труд — это проклятие бога», — вот основное воззрение религии на труд». В действительности же «труд — это основа роста материального и культурного благосостояния жителей страны»⁷⁹, — писал И. Шлюпас. Он говорил о рабском положении трудящихся при капитализме. Об этом свидетельствуют его высказывания о том, что «в настоящее время трудящиеся во многих местах нанимаются за жалование. Это положение недалеко ушло от положения раба. Здесь рабочий продает свои силы изо дня в день, пока он жив. Фабричный рабочий — это придаток машины»⁸⁰.

Однако И. Шлюпас так и не понял эксплуататорской сущности капиталистического общества. В этом взаимоотношении труда и трудящегося он проглядел взаимоотношение труда и эксплуатируемых, с одной стороны, и капитала и эксплуататоров — с другой, что и составляет основу антагонистических отношений классов буржуазного общества. Для него наемный труд не связан с капиталистической эксплуатацией. А в самом факте рабского отношения к труду он видел лишь неправильное истолкование этого понятия религиозными идеологами. И. Шлюпас не подметил революционной миссии пролетариата в борьбе со своим классовым врагом — буржуазией. Он говорил, что в условиях Литвы рабочий класс не может играть ведущей роли в преобразовании общества. Поэтому не случайно, что основная тяжесть борьбы против социальной несправедливости была перенесена в область борьбы с религией и развития науки, искусства, этики. «Не религия с колдовством и не эксплуататоры нужны народу, а искусство, наука и этика!»⁸¹ — писал он, подчеркивая, что «борьба против религии, за преодоление религиозных нелепостей является одним из важнейших условий нашей позиции в подготовке лучшего будущего для литовского народа»⁸².

Подобные же выводы делал в то время и И. Кайрюкшис: «Во всех странах борьба за лучшее и более справедливое устройство общества одновременно была борьбой против церкви. . . Борьба против церкви приносит освобождение человечеству, обойденному в материальном и культурном отношении. Мир не вступит в светлое будущее, пока церковь не будет побеждена»⁸³. Как средство борьбы против религии и

⁷⁸ *Šlp. Ar religija naudinga Lietuvai?*, „Laisvoji mintis“, 1935, Nr. 3.

⁷⁹ *Dr. J. Šliūpas. Darbas ir religija*, „Laisvoji mintis“, 1935, Nr. 5.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ *Dr. J. Šliūpas. Tauta ir religija*, „Laisvoji mintis“, 1936, Nr. 1.

⁸² *Šlp. Ar religija naudinga Lietuvai?*, „Laisvoji mintis“, 1935, Nr. 3.

⁸³ *T. Karušis. Laisvosios minties ABC*, p. 27.

церкви буржуазные атеисты на первый план выдвигали развитие и распространение науки, культуры и этики.

Такие выводы о мерах и средствах борьбы с религией, о ее будущем в обществе вытекали как из неверного понимания законов развития общества, так и из недостаточно научного понимания сущности и происхождения религии. Буржуазные атеисты не смогли понять сущности человека как общественного индивида. В выяснении сущности религии основное внимание они концентрировали на психическом состоянии религиозного человека, на его врожденных чувствах. В характеристике реакционной роли религии опять-таки подчеркивались черты реакционности в отношении к науке, культуре, физическому состоянию человека, но не классовая сторона вопроса. Отсюда непосредственно и вытекали просветительские выводы литовских буржуазных атеистов. А это в свою очередь приводило к ограниченному истолкованию сущности религии. Критикуя подобную буржуазную ограниченность просветительского атеизма, З. Ангаретис в то время писал: «Кто не понимает настоящей сущности религии, кто не понимает настоящих корней происхождения религии, кто не видит и социальных ее корней, тот не может быть пролетарским безбожником, тот не может вести настоящей борьбы с религией»⁸⁴.

Для того, чтобы успешно бороться с религией, надо «*материалистически объяснить источник веры и религии у масс*», — писал В. И. Ленин. «Борьбу с религией нельзя ограничивать абстрактно-идеологической проповедью, нельзя сводить к такой проповеди; эту борьбу надо поставить в связь с конкретной практикой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии»⁸⁵.

Характеризуя взгляды литовских буржуазных атеистов по разбираемым вопросам в целом, следует сделать следующие выводы. Проблема сущности религии была поставлена ими со всей серьезностью и охватывала широкий круг вопросов. Выяснение сущности религии связывалось с формальным определением понятия религии, изучением внутренних противоречий религиозного мировоззрения, разоблачением реакционной роли религии в жизни общества.

Давая формальное определение религии, буржуазным атеистам удалось подметить основные признаки религии, однако не удалось в определении понятия религии достигнуть подлинно научного понимания сущности религии как формы общественного сознания. Выясняя реакционную роль религии в обществе, буржуазные атеисты исследовали как гносеологическую, так и социальную сторону этого вопроса. Причем заслугой их является то, что они всемерно подчеркивали реакционную сущность религии как орудия угнетения.

При всем своем внимании к социальной характеристике религии они так и не сумели выяснить социальных корней религии. Буржуазные

⁸⁴ М. В. „Komunistas“, 1932, Nr. 6, p. 24.

⁸⁵ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-ое, т. 15, стр. 374.

ateistai ne sugebėjo atskleisti priežasčių, dėl kurių religija tapo socialinio spaudimo priemonė šiuolaikiniame klasiniame visuomenėje.

Užduoties išsprendimui jie atsisakė filosofinio tyrimo, likę lyg apšviesto žmogaus. Spontaniškai materialistinė filosofija buržuazinių ateistų su dideliu įspūdžiu mechanizmo ne tik trukdė atskleisti socialinius religijos šaltinius, bet ir ne leido nuosekliai ir iki galo mokslinai išsiaiškinti su religijos esme susijusius klausimus.

Vilniaus Valstybinis
V. Kapsuko vardo universitetas
Filosofijos katedra

Įteikta
1961 m. balandžio mėn.

BURŽUAZINIAI LIETUVOS ATEISTAI APIE RELIGIJOS ESME

E. KARAKOZOVA

Reziumė

Straipsnyje „Buržuaziniai Lietuvos ateistai apie religijos esmę“ nagrinėjamos J. Kairiūkščio, J. Vabalos-Gudaičio, J. Ilgūno, J. Šliūpo ir kitų pažiūros šiuo klausimu. Išvardintų ateistų pažiūrų įtakoje atsirado ir vystėsi vadinamųjų laisvamųjų sąjūdis buržuazinėje Lietuvoje 1924—1940 m. laikotarpiu. Ateistai-laisvamaniai nesugebėjo pakilti iki marksistinio-lenininio ateizmo lygio. Tačiau šalia paplitusio tuo laiku marksistinio-lenininio ateizmo, kurį per pagrindinę komunistinę spaudą visokeriopai propagavo Lietuvos Komunistų partijos organizatoriai ir vadovai V. Kapsukas, Z. Angarietis bei kiti komunistai, nemarksistinio ateizmo, laisvamanybės atstovai taip pat prisidėjo prie ateistinio liaudies masių auklėjimo.

Straipsnyje duota trumpa buržuazinės Lietuvos ateistų charakteristika, parodyti jų pirmtakai, apibūdinamos jų filosofinės materialistinės pažiūros. Jų filosofinių pažiūrų pagrindą sudarė metafizinis, gamtamokslinis materializmas, o J. Šliūpas laikėsi net vulgaraus materializmo pozicijų. Mirties ateistų nesugebėjimas dialektiškai-materialistiškai spręsti klausimus sąlygojo ir jų buržuaziškai ribotą religijos klausimų išaiškinimą.

To laikotarpio ateistai daug dėmesio skyrė religijos sąvokos apibrėžimui. Savo apibrėžimuose jie išaiškino pagrindinius religijos elementus, jos požymius. Tačiau jų duoti apibrėžimai pasižymi nenuoseklumais. Kai kurie iš jų per daug dėmesio skyrė religijai, kaip vidinei psichinei žmogaus būsenai. Ypač daug nenuoseklumų pasireiškė J. Vabalos-Gudaičio ir J. Šliūpo mėginimuose apibūdinti skirtingumą tarp religijos ir tikėjimo. Buržuaziniai ateistai nesugebėjo iki galo mokslinai apibūdinti religijos sąvokos. Tačiau jau pats klausimo iškėlimas ir dauguma jų samprotavimų dėl pagrindinių religijos požymių prisidėjo prie religijos esmės išaiškinimo.

Ateistai taip pat nagrinėjo religijos ir idealizmo santykio klausimą. Savo veikaluose J. Kairiūkštis atskleidė ryšį tarp religijos ir įvairių idealistinės filosofijos srovių buržuazinėje visuomenėje. Kiti ateistai šį klausimą nagrinėjo daugiau religinio tikėjimo ir teologijos skirtingumo atžvilgiu. Deja, ateistams-laisvamaniams nepavyko atskleisti idealizmo ir religijos kovos prieš materializmą klasinio pagrindo.

Aiškindami religijos esmę, ateistai daug dėmesio skyrė teologinių dievo įrodymų kritikai. Straipsnyje kritiškai išdėstomos jų pažiūros į kosmologinį, ontologinį ir teleologinį dievo buvimo įrodymus.

Straipsnyje taip pat paliestas klausimas apie ateistų pažiūras į reakcinę religijos vaidmenį visuomenėje. Čia ateistai parodė, kad religija yra priespaudos įrankis. Bet ir šis klausimas jų veikaluose sprendžiamas abstrakčiai, deklaratyviai. Jie nesugebėjo išeiti už buržuazinio švietėjiškumo ribų.

Apskritai paėmus, buržuaziškai ribotas laisvamanių ateizmas, turintis nemaža trūkumų, įnešė ir savo teigiamą indėlį į Lietuvos ateistinės minties vystymąsi.
